

К ВОПРОСУ О МЕТОДАХ И ПОДХОДАХ В ИЗУЧЕНИИ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Обсуждаются подходы к изучению Русской революции, в историографии которой продолжается идеологическая борьба «красных» и «белых». С точки зрения автора, современный этап развития науки и общества настоятельно требует иных подходов к изучению и анализу Русской революции как части мирового исторического процесса, связанного с переходом в состояние современных цивилизаций Нового (и Новейшего) времени.

Ключевые слова: Русская революция; революция 1917; теория революции; социология революции; Гражданская война в России.

В 2017 г. отпраздновали столетие Русской революции. Конечно, 1917 г. – это условная привязка, так как в этом году революция в России не началась и не закончилась, но именно в этом году произошли два государственных переворота в ходе революции, которые изменили политическую систему в стране и задали вектор дальнейшего развития и революции, и страны. Всплеск интереса общества и общественных наук к своей Великой революции, отразившийся в повысившемся уровне печатных работ и дискуссионных мероприятий, посвященных этой революции, лишний раз обнажил существующий накал страстей в обществе (который вызывает резонный вопрос: а закончилась ли гражданская война, вызванная революцией начала прошлого века?), со всей четкостью проявил сильное влияние оценочных подходов к событиям Русской революции. Оценочные подходы превалируют над научным анализом и подчеркивают методологический кризис в общественных науках с точки зрения революциологии в целом (теории революции) и отдельной национальной революции (революции в отдельном государстве) в частности.

Важно понимать, что переосмысление Русской революции имеет не только научное, но и общественное значение. Во-первых, проблема отношения к Русской революции до сих пор разделяет общество на два лагеря, «белых» и «красных», и изменить это положение вещей не может вся многочисленная научная и научно-популярная литература, которая сама делится по тому же принципу.

Французский ученый Франсуа Фюре, приступая к анализу Великой французской революции (книга вышла в Париже в 1978 г.), предварил исследование специальным замечанием, что историк во Франции может изучать любую проблему, для этого ему достаточно быть дипломированным специалистом, но этого недостаточно, когда дело касается Французской революции: «...историк Французской Революции должен подтверждать свою компетентность иными свидетельствами. Он обязан объявить о своей политической принадлежности, о своих мыслях и намерениях. То, что он пишет о Революции, имеет лишь предварительное значение, главное заключено в его оценке, которая совершенно не обязательна, если речь идет о Мерovingах, но абсолютно необходима для событий 1789 или 1793 г. Как только она выражена, этим уже все сказано – автор роялист, либерал или якобинец. Только при наличии такого пароля его история что-то

значит, получает свое место и свидетельство о законнорожденности» [1. С. 11]. С той же проблемой мы сталкиваемся в России, когда дело касается Великой русской революции.

«У Французской Революции есть истории монархические и либеральные, якобинские и анархические» [1. С. 19]. Споры в обществе, а не только научные дискуссии по поводу Великой французской революции продолжают по сей день во Франции: «По прошествии почти двухсот лет история Французской Революции продолжает заниматься проблемой происхождения и, следовательно, национальной самоидентификации. В XIX в. эта история почти сливается с самим описываемым предметом, поскольку начавшаяся в 1789 г. драма разыгрывается вновь и вновь, с каждым новым поколением, и вокруг одних и тех же ставок, одних и тех же символов и превращается или в идола, или вызывает лишь ужас и отвращение» [1. С. 16]. Эти слова о Великой французской революции как нельзя точно отражают состояние дел в изучении Великой русской революции.

У Великой русской революции есть множество историй, среди которых коммунистические, монархические, либеральные и др. Эта революция является слишком значимым идеологическим полем, чтобы читатель позволил кому-то разбирать ее как научный предмет исследования, если автор, конечно, не разделяет и не отстаивает политические взгляды самого читателя. Однако без движения дальше (которое невозможно при сегодняшних подходах и полярном отношении общества к своей революции) нас ждет мучительный долгоиграющий процесс национальной и исторической самоидентификации.

Современный этап развития науки и общества настоятельно требует изменения подходов в изучении Русской революции [2. С. 77–84; 3. С. 28–35; 4. С. 5–40, 61–72], а для этого, с нашей точки зрения, необходимо понять, что это за явление и каково его место в истории.

С точки зрения историографии Русской революции существует два больших пласта: 1) конкретно историческое исследование самой революции (или серии революций 1905–1922 гг.); 2) изучение закономерностей революций, в череде которых Русская революция была одной из ярчайших и относится к категории «великих».

Что касается первого направления, то история между февралем и октябрём 1917 г. имеет две край-

ние тенденции в описании. Первая – устоявшаяся в советской идеологии – об объективном переходе Февральской буржуазной революции в Октябрьскую социалистическую, неизбежность Октябрьской революции. Вторая – цепь нелепостей и случайностей, приведших к большевистскому перевороту. Последний подход более характерен для произведений эмигрантской литературы и популярных современных трактовок в России. Это историография продолжающейся идеологической борьбы «красных» и «белых», «тех, кто за Ленина» и «антисоветчиков». Эти две крайности в изучении революции, это наследие и призраки прошлого еще долго будут преследовать нас.

Отечественная историография Октябрьской революции 1917 г., с одной стороны, вслед за Лениным, связывала ее с европейскими революциями и теорией Маркса, с другой – выдвигала самобытность Русской революции, ее необычность, основываясь на концепции Маркса о пролетарской революции. Подобный подход вводил Русскую революцию в узкую колею классовой борьбы и победы пролетарской революции и вырывал ее из общего контекста исторических событий, истории европейских революций. Устав от шаблонов изложения истории XX в., особенно русских революций и так называемой эпохи сталинизма советского периода, отечественные авторы возложили надежды на зарубежные исследования. Потребовался значительный период для осознания того, что зарубежная историография в своих основополагающих принципах повторяет советскую историографию: наличие таких же заказов – социального и политического – и идеологической нагрузки. Если в СССР в качестве источниковой базы приводили «подчищенные» воспоминания победивших революционеров, то зарубежная историография – воспоминания и суждения проигравших контрреволюционеров. Зарубежная историография во многих вопросах оказалась вторичной в сравнении с отечественной, следуя той же парадигме со сходными или прямо противоположными оценочными суждениями.

Основная заслуга данного направления исследовательской мысли – достаточно хорошо собранные исторические факты, последовательность событий трех русских революций и опубликованный основной массив источников. Главный недостаток, кроме обозначенного противостояния по политическим и мировоззренческим принципам, – споры вокруг вопросов о причинах, характере, периодизации, последствиях, социальной базе революции, которые ведутся до сих пор.

Второе направление – теория революции – определение закономерностей всех революций и изучение Русской революции в контексте революций различных стран.

Здесь первенство принадлежит зарубежным исследователям. К сожалению, после работы Питирима Сорокина «Социология революции» (1925 г.) [5, 6] обстоятельных теоретических работ в отечественной историографии не было. Зарубежная же историография в XX в. породила четыре волны массового исследовательского интереса к данной проблематике [7; 8. Р. 3914–3923].

В 1930-е гг. созданы труды Лайфорда Эдвардса («Естественная история революции»), Крэйна Бринтона («Анатомия революции») и Джорджа Петти («Процесс революции»). В конце 1950-х – начале 1960-х гг. появляется новая волна интереса к революциям. Эта волна захлестнула 1960-е и 1970-е гг., в результате чего вышли исследования: «О революции» Ханны Арендт (1963), «Революция и социальная система» Чалмерса Джонсона (1964), «Политический порядок в меняющихся обществах» Самуэля Хантингтона (1968), «Революция» и «Изучение революции» Питера Калверта (1970), «Почему люди бунтуют?» Тэда Гарра (1970), «Аутопсия революции» Жака Эллюля (1971), «Современные революции» Джона Данна (1972), «Стратегия политической революции» (1973) Мостафы Реджаи (и «Сравнительное изучение революционной стратегии», 1977), «Феномен революции» Марка Хэгопиана (1975), «Революция и преобразование обществ» Шмуэля Эйзенштадта (1978), «Государства и социальные революции» Теды Скокпол (1979), коллективные труды «Революция» (К. Фридрих, 1967), «Битвы в государстве. Источники и образцы мировой революции» (Дж. Келли и К. Браун, 1970), «Революция в истории» (Рой Портер и Миклаш Тейх) и многие другие [9. С. 11–24].

Это было время оценки революций первой половины XX в., феномена фашизма, послевоенного обустройства мира и последовавших в связи с этим китайской, кубинской и множества национально-освободительных революций, а также краха колониальной системы. Пожалуй, это была самая мощная волна интереса к революциям (как и создания системного научного подхода к этому социальному явлению), которая продолжала питать энтузиазм исследователей, потихоньку затухая в 1980-е гг. Новый взрыв интереса возник вместе с революциями конца 1980-х – начала 1990-х гг. в Восточной Европе, вызвав к жизни новые размышления и дискуссии о феномене революции в истории человечества. С началом 2000-х гг. этот интерес был подогрет событиями и данными для анализа «цветных революций» в ряде государств постсоветского пространства и «арабской весны» в европейских странах, что, естественно, вызовет к жизни новые обобщающие работы.

Ситуацию, которая сложилась с 1980-х гг., можно классифицировать как методологический кризис: существующие методологии и методики исследований не удовлетворяют, а новые не появляются. Дефицит новых разработок приводит к тому, что аналитические модели исследователей, одни и те же определения и схемы с небольшими модификациями кочуют из исследования в исследование, несмотря на то что вызывают множество вопросов и нареканий.

Одной из отличительных черт современной историографии является эклектизм – объединение различных точек зрения и положений под одной крышей, невзирая на их очевидные противоречия в предпосылках и принципах. Сумма мнений в данном случае – это эклектичная картина, а не объективный подход, позволяющий приблизиться к пониманию проблемы. Подобную методику беспощадно критиковал Макс Вебер: «Самым же решительным образом сле-

дует бороться с довольно распространенным представлением, будто путь к научной “объективности” проходит через сопоставление различных оценок и установление как бы некоего “дипломатического” компромисса между ними» [10. С. 557].

Что касается Русской революции, то изменение методологии и подходов должно быть связано, как представляется, с пониманием того, что Русская революция стоит в общем ряду цивилизационных революций. Более того, Русская революция находится в общем поле закономерностей, присущих всему роду явлений «революция», закономерностей и разнообразия, формирующихся в видах и типах подобных явлений. Русская революция относится не только к категории «великих» (на что указывают ведущие зарубежные исследователи – Ш. Эйзенштадт, Т. Скокпол, С. Хантингтон, Д. Голдстоун и др.), но и принадлежит к революциям классического типа, развивавшихся в разных странах по сходным сценариям и алгоритмам.

Научная база для упразднения превалирующего субъективного оценочного отношения к Русской революции (связанного с мировоззренческо-политическими позициями) и методологического кризиса, на наш взгляд, лежит в поле формирования объективного подхода к анализу Русской революции как части мирового исторического процесса, связанного с переходом в состояние современных цивилизаций Нового (и Новейшего) времени (*Modern civilizations, Modern States*). Уникальность и всемирно-историческое значение Русской революции базируется не на новом типе / виде революций («пролетарская» и т.д.) (марксизм) и не на том, что это была революция почти в стране третьего мира (Т. Скокпол, Д. Форан и др.), а на том, что, являясь классической революцией наравне с английской и французской, она, в силу социально-экономических и иных причин, произошла значительно позже, но при этом в стране с многонациональным населением и различным уровнем развития регионов (в отличие от Англии, Франции, США, Германии 1918 г.), с сильными местными особенностями, но благодаря чему установила новый шаблон модернизации и пример для подражания (сменив этим Великую французскую революцию) для стран так называемого третьего мира.

Проблема заключается в том, что существующие методологии и подходы к исследованию Русской революции (что во многом повторяет общий тренд в анализе всех революций) не ведут к решению даже первостепенных вопросов об определении революционного феномена, о причинах Русской революции, ее датировке (что имеет не просто значение абстрактных или конкретных дат, а определяет принципы и глубинную логику в изучении Русской революции), социальной базе революции и ее октябрьского этапа и т.д. Одни и те же дискуссии фактически идут уже столетие, ни на шаг не приближаясь к научному или к обществу консенсусу. Все стороны диспутов предъявляют примерно равноценные аргументации противоположных подходов и оценок (при этом зачастую на одном и том же историческом материале и фактах), что ведет в конце концов не к выбору объективности, а к выбору аргументации и фактов в зави-

симости от личностного эмоционального отношения исследователя или рядового читателя.

В связи с этим необходима смена парадигмы.

Деление революций на буржуазные и пролетарские является идеологией Русской революции, но не имеет отношения к научной классификации. Это позволяет отойти от тупика невозможности сравнительного анализа, так как Русская революция в этой парадигме выступает как явление уникальное. Сравнительный анализ с большим количеством революций в других странах позволяет определить закономерности рода явлений «революция» и выделить виды и типы этого рода. Закономерным в Русской революции является однозначно то, что являлось закономерным для близких к ней революций (революций классического типа). Расхождения являются вариативностью исторического развития. Существование во всех революциях причинно-следственных связей (причины, вызывающие данный феномен) должны обязательно проявляться в последствиях. Общие последствия для всех революций являются закономерными; расхождения – сопутствующие причины, которые оказывали или могли оказывать влияние, но не являлись основными и даже необходимыми.

Революция по сути своей является сложным и составным социально-политическим феноменом. По своим задачам революция – это цивилизационный лифт, толчок к трансформации общества на другие принципы: создание общества большинства, окончательное формирование наций (так как нация – это весь народ, а не благородное сословие и интеллигенция), развитие демократии.

Если принять образ, что человечество в своей истории движется через периоды младенчества, детства и юности к зрелости, то можно сказать, что степень зрелости общества определяла готовность к революции. Важную роль играл и субъективный фактор – личность правителя и представителей элиты. Эти личности могли провести необходимые изменения до того времени, когда система окончательно превратится в рудимент и возникнет брожение в государстве, провести их более или менее мирно или довести страну до состояния масштабной гражданской войны. Первый и второй случаи могли проявляться в «волеизъявлении монарха» (Скандинавские страны), путем военного переворота (Япония). Третий случай считается «классическим каноном» революций и действительно является доминирующим в истории революций. Этот путь прошли революции Нидерландов, Англии, Франции, серия революций в Мексике, Испании, Португалии, целого ряда других стран. В этой череде и Великая русская революция.

Мы наблюдаем революции там и тогда, где и когда ненасильственным эволюционным путем нельзя было решить накопившиеся проблемы и противоречия. Степень радикальности революции зависела от степени запущенности социальных пережитков, соотношения сил внутри страны и роли международного фактора.

Все революции с различной степенью глубины процесса привносили внешние атрибуты новизны на фоне обязательной революционной риторики, которые могли проявляться во введении нового календаря,

религии, идеи нового типа человека, новых форм союзов (от семьи до государственных образований), новых социальных форм взаимодействия и др. Революция пропагандирует «светлое будущее» – более совершенное и справедливое общество. Его можно видеть в пуританских идеалах Английской революции, в культе Разума (как Робеспьер), коммунистических идеалах русской и китайской революций, в обществе по Корану Исламской революции [4. С. 111–142].

Множество расхождений в понимании революций основано на оценке внешних проявлений и ярких символов. Постановка и Декорации могут быть разными. Задача революции – это переход к новой системе – социальной и политической, что позволяет войти в новую стадию развития, которая по времени связана с Новым и Новейшим временем – *Modern state*. Драматургия же этого явления зависит от многих привходящих факторов и разнится от страны к стране.

Более столетия идет спор двух точек зрения на Русскую революцию: 1) в России существовал тот же капитализм, что и на Западе, только неразвитый и запоздавший, 2) в России был качественно иной, чем на Западе, капитализм (его законы не во всем совпадают с законами западного капитализма). Ни тот ни другой подход не позволяют выйти из уже векового бега по кругу в оценках и характеристиках Русской революции. То, что Россия отставала в экономическом, социальном и политическом развитии в начале XX в. от США и некоторых стран Европы, утверждение бесспорное. Однако выглядела ли Россия отсталой страной в сравнении с США, Англией и Францией на тот период времени, когда там произошли революции? Нет. И капитализм России во многом повторял капитализм в этих странах.

Этот диспут вызван тем, что все стороны вынесли октябрьский этап Русской революции из ее общей логики и алгоритма. Одни заявили, что это новый тип революции (пролетарский / коммунистический), а другие – что это лишний элемент, как и якобинство в Великой французской революции.

Обе точки зрения политизированы и расходятся с конкретным историческим материалом. Великая русская революция 1905–1922 гг. повторяет алгоритм всех классических революций: Английской 1640–1653 гг., Великой французской 1789–1799 гг., Мексиканской 1854–1867 гг., Иранской 1905–1911 гг., Турецкой 1908–1923 гг., Германской 1918–1923 гг. и ряда других [11]. То, что крайне левые не были устранены по примеру якобинцев во Франции, дало лишь вариативность развития, в которой этим крайне левым (большевикам) самим пришлось устраивать свой Термидор. Эти примеры, разобранные в данной работе, позволяют лишь раз убедиться, что история обладает закономерностями, но абсолютных повторов не допускает.

Бесспорно, что каждая страна несет в своем историческом развитии долю индивидуальности, но это не отменяет общие исторические законы и закономерности. Нарастающий информационный обмен и идейные заимствования создают иные, порой причудливые формы, но, во-первых, они сами сразу же создают свои закономерности, а во-вторых, в них, в любом случае, через определенный исторический промежу-

ток можно будет разглядеть уже знакомые черты и шаблоны. Так, отличающийся от западного «путь России» повторился в революциях Юго-Восточной Азии и Латинской Америки, а вместе они через несколько десятков лет снова «вернулись» к тем принципам и движению, которое осуществили и осуществляют страны Северной Америки и Западной Европы, и что условно можно назвать «мэйнстримом» периода Новой и Новейшей истории.

Постулат о неизбежности и объективности победы Октябрьской революции в советское время заставлял искать все больше и больше объективных причин, создавая все более и более застывшую модель, всесторонне определенную обстоятельствами и оторванную от живой политической борьбы, от многообразия действительности. Отстаивание идей случайности (как неприятие октябрьского этапа изначально или как реакция на навязчивое продвижение идей объективности и предопределенности) тоже заставляет искать все больший набор случайных обстоятельств. И то и другое движение обречены.

Все революции «фруктворные» (т.е. не настоящие, а симитированные, и все дело всего лишь в активной небольшой группе, которая эту имитацию и произвела в своих целях). В каждой революции наличествует группа, которая прилагает усилия к разжиганию и направлению социального протеста и организации госпереворота. Нет такой модели революции, в которой «низы» (рабочие, крестьяне и т.д.) сами по себе взбунтовались и голыми руками опрокинули вооруженные формирования, стоящие на страже режима, а потом еще и воплотили все протестные лозунги в четкие формулировки законов и добились их исполнения, управляя процессами неким огромным коллективным подобием Вече или постоянно действующим съездом Советов. В каждой революции будет идти речь о технологиях управления социальным протестом в борьбе за власть, технологиях организации госпереворота и управления страной после взятия власти. Борьба за власть различных группировок в ходе революции, стратегия и тактика, методы и приемы этой борьбы не имеют никакого отношения к определению «настоящей» или «ненастоящей», «правильной» и «неправильной» революции, революции, которая была объективной, и следующей, которой можно было бы избежать, и т.д.

Исторический процесс – это всегда сумма разнообразных объективных и субъективных факторов, векторов различных индивидуальных и коллективных действий, и в корне неверно рассуждать о том, что если из этой суммы убрать некий набор составляющих, то «все могло быть иначе». Именно поэтому История не терпит сослагательного наклонения. Одно из любимых занятий при рассуждениях о революции 1917 г. – оценивать альтернативы революции и перевороту 25 октября. Оценивать перспективы самодержавия и сохранения им власти – вообще дело неблагодарное. Не смог Николай II приспособиться к новым реалиям в революции 1905–1907 гг., более того, как только спала революционная активность, повел борьбу с «демократизмами» во всех их проявлениях. Неспособность самодержавия эволюционировать

привела к Английской буржуазной революции, к Великой французской и к Русской революции. Ничего необычного, выбивающегося из исторических закономерностей, здесь нет. Царь понимал только аргумент силы, перед которой сразу шел на уступки, но как только угроза миновала, сразу же снова начинал строить из себя великого, сильного и властного самодержца. Если бы сила самодержавия была реальной, революция была бы отсрочена до времени следующего слабого, но властного и самодержавного правителя.

Одним из аргументов в споре альтернатив является утверждение, основанное на том, что если бы революция не произошла, а Россия продолжила довоенный путь рыночной модели после войны, то показатели роста ее экономики были бы никак не меньшими, чем до войны, и темпы ее развития опережали бы среднеевропейские [12. С. 249]. Оставляя в стороне важность экономики для революций (хотя для нас экономика вторична в результатах революций, на первом месте стоят изменения в социальной и политической сферах), заметим, что никто и никогда не рассматривал экономику отдельно от социальной составляющей – как некую самодостаточную доминанту для рождения революции: социальные факторы в той или иной степени важности и значимости всегда выступали совместно с экономикой. Так вот, в России в начале XX в. социальная структура и политическая система выступали крайним анахронизмом. Реформы велись плохо и непоследовательно. Власть в лице императора оказалась абсолютно не гибкой и не способной к модернизации в длительной перспективе, идя на короткие периоды реформ, быстро меняла их на периоды консерватизма.

Авторов, считающих, что в октябре 1917 г. была альтернатива, – достаточно. Если разобрать наиболее аргументированные доводы, то такими представляются те, что приводит Ю.А. Поляков: «Альтернативы существуют всегда. Их множество. Любая революция (коль скоро речь идет о революциях) может остановиться на половине пути, на трети или четырех пятых его (кстати, как определить, где конец пути?), может свернуть влево или вправо. Дело не в количестве вариантов и возможностях альтернатив и их теоретическом обосновании, а в их реальности. Можно ответить с уверенностью, что путь перевода революции на мирные, эволюционные, демократические, парламентские рельсы имел твердую почву. Народ получил полную политическую свободу, существовало демократическое правительство, функционировали более или менее представительные учреждения (Советы, Предпарламент), активно действовали достаточно мощные политические партии, отстаивавшие парламентскую демократию» [13. С. 36].

Однако тут же автор вынужден признать, что Временное правительство («существовавшая демократия» – в терминах автора) не сумело разрешить существующие противоречия и ответить на народные требования. Как вывод: «Массы не были удовлетворены достигнутым, их радикализация происходила с огромной быстротой и приобретала под влиянием политической агитации целенаправленный, классово-отчетливый характер» [13. С. 37]. Таким образом, все

же к октябрю 1917 года альтернативы у большевиков не стало. Если массы продолжали быть недовольными, происходила радикализация, значит, революция не могла уже остановиться на трети или на четырех пятых.

Монархизм однозначно стал невозвратным вчерашним днем, и идеи реставрации почти не находили отклика даже в Белом движении. Более умеренные, нежели большевики, социалисты, меньшевики и эсеры, не желали резких перемен и поддерживали «буржуазные правительства» – курс, который на год позднее возьмут немецкие социал-демократы в Веймарской республике, что не дало избежать Гражданской войны в Германии 1918–1923 гг. Но в России Временное правительство являлось тупиковым путем развития. Этого пути развития дальше не существовало (его можно выстраивать, только абсолютно абстрагируясь от реалий 1917 г., в некой вымышленной реальности).

Большевики оказались сильнее: в уровне социальной поддержки, в технологиях борьбы за власть, в своих лидерах [4. С. 143–170, 257–271]. Смещать большевиков в России оказалось просто некому. В Германии коммунисты в 1918–1923 гг. не смогли захватить власть по примеру России, а социалисты взяли курс на сотрудничество с буржуазными правительствами, объявив о мирной трансформации к социализму и коммунизму. Это, среди многих других факторов, стало причиной оттока поддержки немецких рабочих от СДПГ к Компартии Германии и в конце концов прихода к власти нацистов в 1933 г. То, что в 1933 г. к власти пришли нацисты, во многом стало закономерным результатом развития Немецкой революции 1918–1923 гг. [11]. В Италии это случилось на десятилетие раньше, но со сходной логикой: угроза прихода левых – правые националисты у власти. В Испании и Чили именно правые националистические режимы были призваны скинуть левых и взять власть. Эта логика развития дает основания рассуждать о том, что в XX в. на смену крайне левым (якобинцам, большевикам) в целом ряде революций пришли не обычные Термидор и Бонапартизм классических революций XVIII–XIX вв., а весьма специфическая модель.

Конечно, нам с высоты иной точки на шкале времени трудно представить, что в России могли найтись какие-нибудь правые сродни указанным европейским и южноамериканским примерам, но метод аналогий исторического развития позволяет такую альтернативу считать более реальной, чем альтернативу большевикам в виде Временного правительства или реставрации монархии.

Видеть в Русской революции «русский бунт» (предложенный Пушкиным как феномен), в котором все или почти все списывается на временное помутнение и темноту масс, – это не только не понять сути произошедших в 1917-м и после него событий, но и обречь себя на повторение уроков. Отношение к Русской революции, как и к любой другой революции, сквозь призму поиска и акцентирования внимания на событиях и деяниях, которые в обычное время могут рассматриваться как конфликтующие с общепризнан-

ными нормами морали, не имеет никакого смысла и абсолютно контрпродуктивно. Революции – это кризис системы и серьезное социальное противостояние, которое носит бескомпромиссный характер ввиду непримиримого столкновения мировоззрений и образа жизни.

Кроме того, в любой период нестабильности в государстве (социальных катастроф) поднимается на поверхность все, что лежит на дне в спокойное время, как в психике отдельного индивида, так и на уровне социальных групп. И это характерно не только для давно прошедших революций, но и для сегодняшнего дня, и для самых развитых и цивилизованных государств планеты. Яркий пример – наводнения и ураганы начала XXI в. в США, которые выявили проблему мародерствующих групп и преступлений на территории бедствий. И это в такой благополучной стране, как США, с высоким уровнем жизни населения! Следует учитывать и тот фактор, что степень неизбежности наказания от системы правосудия США, устойчивое общественное мнение о высокой степени такой неизбежности не остановили эти преступные элементы. Что говорить о ситуации бессилия власти и анархии в стране?..

Взвешенный подход и базирование на исторических реалиях должны быть основополагающими в анализе как группового, так и личностного поведения. В оценке того или иного политического деятеля всегда необходимо учитывать исторический контекст и тот факт, что политика – это искусство возможного. Тем более когда речь идет о переломных эпохах. Необходимо понимать, что гражданская война (а революция – это и есть акт гражданской войны) разделяет общество не потому, что в этой борьбе есть «правые» и «виноватые», а потому что общество (и его элиты) не смогло решить накопившиеся проблемы, переводя это решение в поле радикальных форм социального протеста и социального столкновения.

В 1930-е гг. русский мыслитель Г.П. Федотов, ставший эмигрантом Русской революции, пророчески предсказал: «Если Россия не развалится, а будет жить как великое государство и великий народ, то ее рево-

люция войдет тоже как “великая” на скрижали истории. Партия, которая провела эту “великую” революцию, актеры великой исторической драмы будут жить в веках, несмотря на все разоблачения их подлинного роста, как “великие” исторические деятели» [14. С. 20].

Великая русская революция 1905–1922 гг. стоит в цивилизационном ряду так называемых великих революций: Нидерландской 1566–1609 гг. и Английской 1640–1653 гг., которые открыли эру революций, Нового времени, цивилизации Модерна, и Великой французской 1789–1799 гг., которая создала эталон революции и само представление об этом явлении для всех современников и потомков. В этом ряду стоят и другие революции, которые определили эпоху и оказали сильнейшее воздействие на мировую цивилизацию: Американская (1776–1783 гг.), Мэйдзи исин (1868–1869), Великая китайская революция 1911–1949 гг. и др.

Великая русская революция, как и Великая французская за столетие до нее, стала событием эпохальным в мировой и российской истории, изменившим историю, географию, политику и международные отношения XX в. Конечно, такие переломные явления (и особенно их действующие лица) всегда будут вызывать противоположные оценки в общественном мнении, вплоть до резких и бескомпромиссных, однако это не имеет (и не будет иметь) отношения к науке и объективности. С точки зрения исторического развития Русская революция была явлением закономерным во всех своих этапах и обеспечила цивилизационный скачок в развитии России (как до нее такие скачки обеспечили другие классические революции для стран, где они произошли). Иной оценочный взгляд имеет, безусловно, право на жизнь, но, к сожалению, продолжит продуцировать мировоззренческие миры «монархического», «коммунистического», «демократического», «либерального» и другого содержания. Каждый из них примерно одинаково искажает сущность Великой русской революции, как и любой национальной революции, и в целом революции как явления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фюре Ф. Постигание Французской революции / пер. с фр. СПб. : Инапресс, 1998. 219 с.
2. Коваленко В.И. От Февраля к Октябрю: логика и противоречия политического процесса // Столетие Революции 1917 года в России : науч. сб. Ч. 1 / отв. ред. И.И. Тучков. М. : Изд-во АО «РДП», 2018. С. 77–84.
3. Черняховский С.Ф. Конструктор будущего // Изборский клуб. 2017. № 4. С. 28–35.
4. Шульц Э.Э. Великая русская революция (1905–1922 гг.): Причины. Последствия. Технологии. События и люди. М. : ЛЕНАНД, 2019. 400 с.
5. Сорокин П.А. Социология революции. М. : РОССПЭН, 2005. 704 с.
6. Sorokin P.A. The Sociology of Revolution. J.B. Lippincott. 1925. 428 p.
7. Голдстоун Д. К теории революции четвертого поколения // Логос. 2006. № 5 (56). С. 58–103.
8. Foran J. Revolutions // The Blackwell Encyclopedia of Sociology / ed. by George Ritzer. Blackwell Publishing, 2007. P. 3914–3923.
9. Шульц Э.Э. Теория революции: революции и современные цивилизации. М. : ЛЕНАНД, 2016. 400 с.
10. Вебер М. Смысл «свободы от оценки» в социологической и экономической науке // Избранные произведения / пер. с нем. М. : Прогресс, 1990. С. 547–600.
11. Шульц Э.Э. Ноябрьская революция 1918 г. в Германии и проблемы возникновения, развития и падения Веймарской республики // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 426. С. 223–228.
12. Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.). Новые подсчеты и оценки / пер. с англ. М. : РОССПЭН, 2003. 253 с.
13. Поляков Ю.А. Гражданская война в России: возникновение и эскалация // Отечественная история. 1992. № 6. С. 32–42.
14. Федотов Г.П. Судьба и грехи России. СПб. : София, 1992. Т. 2. 352 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 14 марта 2020 г.

On Methods and Approaches in Russian Revolution Studies

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 459, 171–177.

DOI: 10.17223/15617793/459/21

Eduard E. Shults, Moscow State Regional University (Moscow, Russian Federation). E-mail: nuapl@yandex.ru

Keywords: Russian Revolution; Revolution of 1917; theory of revolution; sociology of revolution; Civil War in Russia.

The article discusses approaches to the Russian Revolution studies. The author notes that the overwhelming part of the century-long historiography of the Russian Revolution is a historiography of the continuing ideological fight of the “Red” and the “White”, the two extremes in revolution studies inherited from the Revolution and the Civil War and pursuing both the Russian and world science till today. The author also notes that there is a methodological crisis in the scientific direction of the theory of revolution and in the Russian Revolution studies, which started in the 1980s, in both domestic and foreign research: the existing methodologies and techniques of research do not meet the researchers’ needs, new ones do not appear. A characteristic feature of modern historiography is eclecticism: connection of various positions and provisions, sometimes opposite and mutually exclusive. The present stage of the development of science and society presses for changes of approaches in the Russian Revolution studies. The existing methodologies and approaches do not offer solutions even to the paramount problems of the definition of the phenomenon, of the reasons of the Russian Revolution, its dating, social basis, etc. Similar discussions are century-long, and they have not reached a scientific or public consensus. In this regard, a shift in the paradigm is required. The scientific basis for an abolition of the prevailing subjective evaluative attitude to the Russian Revolution and the methodological crisis, in the author’s opinion, lies in the formation of an objective approach to the analysis of the Russian Revolution as part of the world historical process connected with the transition of civilizations to a condition of modern civilizations of Modern (and Contemporary) History. The Russian Revolution lies in the general field of the regularities inherent in the totality of the “revolution” phenomena, the regularities and diversity formed in sorts and types of revolution. The Russian Revolution is a classical revolution, like English and French ones. Owing to social, economic and other reasons, it occurred much later than in Europe: it took place in the country with a multinational population and regions with a different level of development and strong local features. In terms of historical development, the Russian Revolution was a phenomenon natural in all its stages and provided a civilization jump in Russia’s development. The Great Russian Revolution, like the Great French one a century prior to it, became an epoch-making event in world and Russian history, changed the history, geography, policy, and international relations of the 20th century. Due to its features, the Russian Revolution established a new pattern of modernization and a model for imitation replacing the Great French Revolution for the countries of the so-called Third World.

REFERENCES

1. Furet, F. (1998) *Postizhenie Frantsuzskoy revolyutsii* [Understanding the Revolution]. Translated from French. St. Petersburg: Inapress.
2. Kovalenko, V.I. (2018) Ot Fevralya k Oktyabryu: logika i protivorechiya politicheskogo protsessa [From February to October: The logic and contradictions of the political process]. In: Tuchkov, I.I. (ed.) *Stoletie Revolyutsii 1917 goda v Rossii* [Centenary of the Revolution of 1917 in Russia]. Vol. 1. Moscow: Izd-vo AO “RDP”. pp. 77–84.
3. Chernyakhovskiy, S.F. (2017) Konstruktor budushchego [Designer of the future]. *Izborniy klub*. 4. pp. 28–35.
4. Shul’ts, E.E. (2019) *Velikaya russkaya revolyutsiya (1905–1922 gg.): Prichiny. Posledstviya. Tekhnologii. Sobytiya i lyudi* [The Great Russian Revolution (1905–1922): Reasons. Effects. Technology. Events and people]. Moscow: LENAND.
5. Sorokin, P.A. (2005) *Sotsiologiya revolyutsii* [Sociology of revolution]. Moscow: ROSSPEN.
6. Sorokin, P.A. (1925) *The Sociology of Revolution*. J.B. Lippincott.
7. Goldstone, J. (2006) Towards a Fourth Generation of Revolutionary Theory. Translated from English by N. Edel’man. *Logos*. 5 (56). pp. 58–103. (In Russian).
8. Foran, J. (2007) Revolutions. In: Ritzer, G. (ed.) *The Blackwell Encyclopedia of Sociology*. Blackwell Publishing. pp. 3914–3923.
9. Shul’ts, E.E. (2016) *Teoriya revolyutsii: revolyutsii i sovremennye tsivilizatsii* [The theory of revolution: Revolutions and modern civilizations]. Moscow: LENAND.
10. Weber, M. (1990) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Translated from German. Moscow: Progress, pp. 547–600.
11. Shul’ts, E.E. (2018) The November Revolution of 1918 in Germany and problems of emergence, development and falling of the Weimar Republic. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 426. pp. 223–228. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/426/27
12. Gregori, P. (2003) *Ekonomicheskiy rost Rossiyskoy imperii (konets XIX – nachalo XX v.)*. *Novye podschety i otsenki* [Russian National Income, 1885–1913]. Translated from English. Moscow: ROSSPEN.
13. Polyakov, Yu.A. (1992) *Grazhdanskaya vojna v Rossii: vzniknovenie i eskalatsiya* [Civil War in Russia: The emergence and escalation]. *Otechestvennaya istoriya*. 6. pp. 32–42.
14. Fedotov, G.P. (1992) *Sud’ba i grekhi Rossii* [The fate and sins of Russia]. Vol. 2. St. Petersburg: Sofiya.

Received: 14 March 2020